

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. N 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации" "толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 31 - 33). Согласно пункту "b" части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования".

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административно-правовых отношений, а также в сфере рассмотрения дел об административных правонарушениях

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин <1>

<1> Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее - Комитет) действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 18 декабря 1979 г. Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее - Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

Сообщение: И.В. против Дании. Сообщение N 51/2013. Решение принято Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее - Комитет) 2 марта 2015 г.

Тема сообщения: недостаточная обоснованность.

Вопрос существа: депортация в Китай.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о своей рекомендации N 28 общего порядка, касающейся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции, в которой он подтвердил, что обязательства государств-участников применяются без дискриминации в отношении как граждан, так и неграждан, включая беженцев, лиц, ищущих убежище, трудящихся-мигрантов и лиц без гражданства, в пределах их территории или под фактическим контролем, даже если они не находятся в пределах территории. Как указал Комитет, государства-участники несут ответственность за все свои действия, затрагивающие права человека, вне зависимости от того, находятся ли затрагиваемые лица на их территориях (пункт 8.4 Решения).

Комитет напоминает, что в статье 1 Конвенции дискриминация в отношении женщин определяется как любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области. Комитет далее ссылается на свою

рекомендацию N 19 общего порядка, в которой насилие в отношении женщин прямо квалифицируется как дискриминация в отношении женщин и указывается, что гендерное насилие представляет собой одну из форм дискриминации в отношении женщин и включает действия, причиняющие ущерб или страдания физического, психического или сексуального характера, угрозу таких действий, принуждение и другие формы ущемления свободы. В отношении аргумента государства-участника о том, что в отличие от других договоров по правам человека в Конвенции прямо или косвенно не затрагиваются вопросы высылки при наличии угрозы пыток или других серьезных угроз жизни и личной неприкосновенности, Комитет напоминает, что в той же рекомендации он определил, что такое гендерное насилие затрудняет или сводит на нет осуществление женщинами ряда прав человека и основных свобод, к числу которых, среди прочих, относятся право на жизнь, право не подвергаться пыткам, жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания, право на свободу и безопасность личности, а также право на равную защиту в рамках закона (пункт 8.5 Решения).

Комитет далее отмечает, что согласно международным нормам в области прав человека принцип невыдворения налагает на государства обязанность воздерживаться от возвращения лиц в юрисдикцию, в которой они могут подвергнуться серьезным нарушениям прав человека, в частности произвольному лишению жизни или пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания. Принцип невыдворения также является неотъемлемым элементом процедуры предоставления убежища и системы международной защиты беженцев <1>. Суть этого принципа заключается в том, что государство не может заставить человека вернуться на территорию, где он или она может подвергнуться преследованиям, в том числе по гендерным признакам и мотивам. Гендерные формы преследования представляют собой преследование, направленное против женщин как таковых или несоразмерно затрагивающее женщин (пункт 8.6 Решения).

<1> См. статью 33 (запрещение высылки беженцев или их принудительного возвращения (выдворения) Конвенции 1951 года о статусе беженцев.

Комитет напоминает о том, что в соответствии с пунктом d) статьи 2 Конвенции государства-участники должны воздерживаться от совершения каких-либо дискриминационных актов или действий в отношении женщин и гарантировать, что государственные органы и учреждения будут действовать в соответствии с этим обязательством. Эта обязанность действовать позитивно предполагает обязательство государств-участников защищать женщин от реального, личного и предсказуемого риска подвергнуться серьезным формам гендерного насилия, независимо от того, наступят ли такие последствия за территориальными границами высылающего государства-участника: если государство-участник принимает решение в отношении лица под его юрисдикцией, неизбежным и предсказуемым последствием которого станет нарушение прав этого лица по Конвенции в другой юрисдикции, то государство-участник само может стать нарушителем Конвенции. Например, государство-участник само нарушит Конвенцию, если оно вышлет обратно то или иное лицо в другое государство в ситуации, когда можно было предвидеть, что это повлечет за собой серьезные акты гендерного насилия. Возможность предвидения последствий означала бы, что государство-участник допустило нарушение, даже несмотря на то что последствия наступят только через некоторое время. Степень серьезности гендерного насилия определяется обстоятельствами каждого конкретного дела и оценивается Комитетом в индивидуальном порядке исходя из существа дела при условии, что автор сообщения представил на рассмотрение Комитета достоверные доводы, достаточным образом обосновав свои утверждения <1> (пункт 8.7 Решения).

<1> См. сообщение N 33/2011, М.Н.Н. против Дании, решение о неприемлемости, принятое 15 июля 2013 г. (то есть после регистрации настоящего сообщения), пункт 8.10.

Комитет напоминает о том, что в соответствии с недавно принятой рекомендацией N 32 общего порядка по гендерным аспектам статуса беженца, убежища, гражданства и безгражданства женщин, статьи 1 - 3, пункт а) статьи 5 и статья 15 Конвенции устанавливают

обязательство государств-участников обеспечивать, чтобы женщины не подвергались дискриминации на протяжении всего процесса рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища с момента прибытия на границу. Женщины, ищущие убежище, вправе рассчитывать на соблюдение их прав в соответствии с Конвенцией; они имеют право на недискриминационное и уважительное отношение и уважение их достоинства на протяжении всей процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища (пункт 24). Комитет также напоминает о том, что гендерный подход должен применяться на всех этапах процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища и что ищущим убежище женщинам, в ходатайстве которых о предоставлении убежища отказано, необходимо обеспечить достойное и недискриминационное возвращение (пункты 24 - 25) (пункт 8.9 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора сообщения о том, что она опасается гендерного насилия со стороны представителей организованных преступных групп в случае возвращения в Китай и что китайские органы власти не защитят ее от такого рода действий. Комитет также отмечает, что органы власти государства-участника признали несостоятельным ее заявление о том, что китайские органы власти не захотят или не смогут защитить ее от нападений со стороны гангстеров-ростовщиков, учитывая тот факт, что, находясь в Китае, она никогда не пыталась обратиться за какой-либо защитой. Комитет отмечает, что автор сообщения выражает несогласие с фактологическими выводами органов власти государства-участника о том, что она никогда не обращалась к китайским органам власти за помощью и не представила какого-либо очевидного доказательства того, что китайские органы власти были не в состоянии или не пожелали защитить ее от представителей организованной преступности (пункт 8.8 Решения).

Комитет далее принимает к сведению заявление автора сообщения о том, что она является жертвой гендерной дискриминации в отношении права на доступ к правосудию, поскольку по сравнению с ищущими убежище мужчинами большему числу ищущих убежище женщин органы власти государства-участника отказывают в предоставлении убежища по причине "явной необоснованности" ходатайства. Комитет также принимает к сведению заявление автора о том, что ее содержание в качестве жертвы гендерного насилия в датской тюрьме в течение нескольких месяцев без возможности пройти лечение в связи с полученной ею травмой представляет собой нарушение Конвенции государством-участником и государство-участник обязано надлежащим образом обеспечить принятие эффективных мер правовой защиты жертв гендерного насилия, а также возможность получения ими медицинских услуг и компенсации. ... Комитет отмечает, что автор сообщения, представленная адвокатом, не проинформировала Комитет о своем местонахождении, а также о том, была ли она депортирована в Китай. С учетом этих обстоятельств и в связи с отсутствием в деле какой-либо другой информации по данному вопросу Комитет считает, что автор сообщения не представила достаточного обоснования для целей приемлемости утверждения о том, что ее высылка из Дании в Китай подвергнет ее реальному, личному и предсказуемому риску серьезной формы гендерного насилия (пункты 8.8, 8.9 Решения).

Выводы Комитета: Комитет приходит к заключению, что сообщение является неприемлемым по смыслу пункта 2 с) статьи 4 Факультативного протокола (пункт 8.9 Решения).

Сообщение: X. и Y. против Грузии. Сообщение N 24/2009. Мнение принято Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее - Комитет) 13 июля 2015 г.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о том, что в соответствии с пунктом 6 его Общей рекомендации N 19 дискриминация по смыслу статьи 1 Конвенции включает в себя насилие в отношении женщин по признаку пола. Такая дискриминация не ограничивается деяниями, совершаемыми правительством или от его имени. Наоборот, в соответствии со статьей 2 (е) государства-участники также могут нести ответственность за действия частных лиц, если они не принимают надлежащих мер, для того чтобы не допустить насилия и нарушения прав или осуществить расследования и вынести наказание за насилие, а также за обеспечение компенсации (пункт 9) (пункт 9.3 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что X. подала несколько жалоб на насилие в отношении нее и ее детей со стороны ее мужа в разные органы власти <1>. Все ее жалобы в полицию приводили к тому, что сотрудники полиции брали с ее

супруга письменное обязательство не совершать больше насилия в отношении нее и ее детей, даже когда, по меньшей мере в одном случае, ей была выдана медицинская справка о том, что в результате избиения со стороны ее мужа ею получены поверхностные телесные повреждения. Комитет отмечает, что, несмотря на неоднократные письменные обязательства со стороны мужа, насилие в отношении авторов и других детей продолжало иметь место, при этом компетентные органы не принимали надлежащих мер, с тем чтобы его остановить. Рассмотрение первоначальной жалобы Х. было прекращено после того, как она ее забрала, и органы уголовного преследования приняли решение не проводить расследование, несмотря на серьезный характер и тяжесть обвинений. Все последующие жалобы Х. отклонялись, и органами уголовного преследования принимались решения о том, что в действиях мужа состав преступления отсутствует, в то время как судебные органы постановляли, что данные дела лишены оснований. Эти заявления не опровергались и не оспаривались государством-участником, которое просто отметило, что адвокат Х. не сумел опровергнуть доказательства, собранные работниками прокуратуры в процессе многочисленных следственных мероприятий, тем самым создавая весьма высокие требования в отношении бремени доказывания в деле о бытовом насилии <2> (пункт 9.6 Решения).

<2> Аналогичный подход см., в частности, В.К. против Болгарии, сноски 13 выше, пункт 9.9.

Комитет считает, что в своей совокупности вышеупомянутые неопровержимые факты свидетельствуют о том, что органы власти государства-участника не выполнили свои обязанности и не приняли соответствующие законодательные и другие меры, включая санкции, запрещающие насилие в отношении женщин в качестве одной из форм дискриминации в отношении женщин; не установили юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами и не обеспечили с помощью компетентных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин от дискриминации; не воздержались от совершения дискриминационных актов или действий в отношении женщин и не обеспечили, чтобы государственные органы и учреждения действовали в соответствии с этим обязательством; не приняли все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин со стороны любого лица, организации или предприятия; и не приняли все соответствующие меры, включая законодательные, для изменения или отмены действующих законов, постановлений, обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин. Он также считает, что вышеупомянутые факты указывают на то, что государство-участник не выполнило свои обязанности и не приняло все соответствующие меры, с тем чтобы изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин в целях достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипного восприятия роли мужчин и женщин (пункт 9.7 Решения).

Выводы Комитета: Действуя в соответствии со статьей 7 (3) Факультативного протокола и в свете вышеизложенных соображений, Комитет считает, что государство-участник не выполнило своих обязательств и тем самым нарушило права авторов по смыслу статьи 2 (b) - (f), рассматриваемых в совокупности со статьями 1 и 5 (a) Конвенции, а также общей рекомендации N 19 Комитета (пункт 10 Решения).

Комитет выносит в адрес государства-участника следующие рекомендации:

- a) в отношении авторов сообщения: предоставить авторам надлежащую финансовую компенсацию, соразмерную тяжести нарушений их прав;
- b) общие положения;
 - i) принять меры к тому, чтобы жертвам насилия в семье и их детям была предоставлена своевременная и адекватная помощь, в том числе жилье и психологическая поддержка;
 - ii) активизировать проведение кампаний по повышению информированности и ввести в действие политику абсолютной нетерпимости в том, что касается насилия в отношении женщин и, в частности, насилия в семье;
 - iii) ратифицировать Конвенцию о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием;

iv) обеспечить обязательную профессиональную подготовку судей, юристов и работников правоохранительных органов, включая работников прокуратуры, по вопросам применения Закона о предотвращении насилия в семье, в том числе по вопросам определения бытового насилия и гендерных стереотипов, а также надлежащую профессиональную подготовку по вопросам, касающимся Конвенции, Факультативного протокола к ней и общих рекомендаций Комитета, в частности общей рекомендации N 19.

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 5525/11 "Мифобова против России" (вынесено 5 февраля 2015 г., вступило в силу 5 мая 2015 г.).

Заявитель жаловалась на то, что ее принудительная госпитализация в психиатрический стационар представляла собой нарушение подпункта "е" пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд напомнил, что "...для законности принудительного заключения "лица, страдающего психическим расстройством", в психиатрический стационар по смыслу подпункта "е" пункта 1 статьи 5 Конвенции должны быть соблюдены как минимум три условия. Во-первых, соответствующее лицо действительно должно страдать психическим расстройством, то есть, путем объективного медицинского исследования компетентному органу должно быть доказано наличие психического заболевания, за исключением экстренных случаев; во-вторых, психическое расстройство должно быть такого характера или такой степени, чтобы оправдать принудительную госпитализацию; в-третьих, обоснованность длительного ограничения свободы обусловлена продолжительностью такого расстройства" (пункт 51 постановления).

Судом обращено внимание на то, что "...подпункт "е" пункта 1 статьи 5 Конвенции разрешает лишать "душевнобольных" свободы только при соблюдении материальных и процессуальных требований для такого лишения свободы. В сущности, при санкционировании принудительной госпитализации лиц, страдающих психическим расстройством, национальные власти должны установить, что психическое расстройство такого характера или такой степени оправдывает принудительную госпитализацию... С точки зрения процессуальных норм, они обязаны обеспечить, чтобы процедуры, приводящие к принудительной госпитализации лица, являлись "справедливыми и надлежащими" и исключали возможность произвола" (пункт 56 постановления).

Суд отметил, что "...в делах, касающихся принудительной госпитализации в психиатрические учреждения, основной гарантией защиты от произвольного правоприменения в отношении принадлежащих к уязвимой категории заявителей является надлежащее и эффективное представление их интересов" (пункт 59 постановления).

В данном деле Суд установил, что "... представитель Управления здравоохранения мэрии не выступала в качестве представителя заявителя и не защищала ее интересы в суде... [а] во время рассмотрения дела о принудительной госпитализации заявитель, которая, по мнению психиатров, страдала галлюцинациями и не могла критически оценивать свое состояние, частично сама представляла свои интересы" (пункты 60, 61 постановления).

Суд также установил, что "...в своей кассационной жалобе в областной суд заявитель прямо заявила, что хотела бы воспользоваться помощью адвоката, однако суд кассационной инстанции оставил ее просьбу без внимания... заявитель ясно заявила российским властям о своем желании участвовать в рассмотрении ее кассационной жалобы... Областной суд в своем определении действительно отметил, что заявитель "была надлежащим образом уведомлена о дате и времени судебного заседания, однако в суд не явилась"... при этом маловероятно, что она могла явиться в суд без разрешения и помощи администрации диспансера. Обязанность удостовериться в наличии у заявителя желания участвовать в судебном заседании и проверить оправданность соответствующих действий и решения психиатрического учреждения лежала именно на российском суде" (пункт 62 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что "...компетентные российские органы власти не выполнили процессуальные требования в вопросе принудительной госпитализации заявителя, так как не исключили возможность произвольного правоприменения в рамках судебного разбирательства. Следовательно, принудительная госпитализация приравнивается к незаконному

содержанию под стражей в значении подпункта "е" пункта 1 статьи 5 Конвенции" (пункт 66 постановления).

См. приведенное ниже постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 41675/08 "Фанзиева против России" (вынесено 18 июня 2015 г., вступило в силу 18 сентября 2015 г.).

В сфере трудовых правоотношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин

Сообщение: Анна Белоусова против Казахстана. Сообщение N 45/2012. Мнение принято Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее - Комитет) 13 июля 2015 г.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 6 его Общей рекомендации N 19 понятие "дискриминация" в значении, определенном в статье 1 Конвенции, охватывает гендерное насилие в отношении женщин, включая действия, которые, среди прочего, причиняют ущерб или страдания психического или сексуального характера, представляют собой угрозу таких действий или понуждение. Кроме того, в соответствии с пунктом 17 этой рекомендации равенство в области занятости может быть серьезно нарушено, когда женщины подвергаются насилию по признаку пола, например, сексуальным домогательствам на рабочем месте, и такая дискриминация не ограничивается мерами, принимаемыми правительствами или от их имени. Напротив, в соответствии со статьей 2(е) Конвенции государства-участники могут также нести ответственность за действия частных лиц, если они не проявляют должной осмотрительности для предотвращения нарушения прав или для расследования актов насилия и наказания за них, а также за предоставление компенсации, как указано в пункте 9 рекомендации (пункт 10.4 Мнения).

В связи с этим Комитет напоминает, что в пункте 36 Общей рекомендации N 28 указано, что в соответствии с подпунктом (е) статьи 2: Государства-участники должны также принимать меры, обеспечивающие ликвидацию дискриминации в отношении женщин и равноправие женщин и мужчин на практике. К этим мерам относятся меры, которые обеспечивают женщинам возможность обращаться с жалобами о нарушении их прав, предусмотренных Конвенцией, и получать доступ к эффективным средствам правовой защиты ... Обязательства, возложенные на государства-участники, требуют от них установить юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами, обеспечивать с помощью компетентных национальных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин от любого акта дискриминации и принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин со стороны какого-либо лица (пункт 10.8 Мнения).

Комитет подчеркивает, что полное осуществление Конвенции требует от государств-участников не только принимать меры с целью ликвидации прямой и косвенной дискриминации и улучшения фактического положения женщин, но и изменять и преобразовывать гендерные стереотипы и упразднить противоправную стереотипность роли мужчин и женщин - коренные причину и следствие дискриминации в отношении женщин. Гендерные стереотипы закрепляются с помощью различных средств и институтов, включая законы и правовые системы, и могут закрепляться как государственными субъектами во всех ветвях и на всех уровнях власти, так и частными субъектами <1> (пункт 10.10 Мнения).

<1> См. там же, пункт 8.8.

Комитет напоминает, что в соответствии с пунктами 17 и 18 его общей рекомендации N 19 равноправие в области занятости может быть серьезно ущемлено, когда женщины подвергаются гендерному насилию, например, сексуальным домогательствам на рабочем месте, которые включают такие проявления нежелательного сексуально мотивированного поведения, как

физический контакт и приставания, прямые или косвенные замечания сексуального характера и понуждение к вступлению в половую связь, выраженное словами или действиями. Такое поведение может быть унижительным и может создать проблему для здоровья и безопасности. Оно является дискриминационным, когда женщина имеет разумные основания полагать, что ее возражения нанесут ущерб ее положению в области занятости, включая на[е]м на работу или продвижение по службе, или когда такое поведение создает враждебную обстановку на рабочем месте (пункт 10.12 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что автор работала техническим сотрудником в начальной школе в селе Перцевка с 1999 года и что ее трудовой договор продлевался ежегодно на каждый учебный год без исключения вплоть до 2011 года. В январе 2011 года А., который был назначен новым директором школы в декабре 2010 года, предложил автору вступить с ним в интимную связь и завуалированно дал понять, что продолжение ее работы будет зависеть от принятия его предложения. Комитет принимает к сведению версию автора о том, что сексуальные домогательства со стороны А. продолжались и что в мае 2011 года, когда она по-прежнему категорически отказалась вступить в интимную связь с А., последний также попытался вымогать у нее деньги, потребовав сумму в 10 000 тенге, и после того, как автор отказалась заплатить эту сумму, ее трудовой договор не был продлен. Комитет отмечает далее, что ни государство-участник, ни один из органов, в которые автор подала жалобы, не представили никакого разъяснения причин внезапного непродления ее трудового договора. Комитет должным образом рассмотрел довод государства-участника о том, что трудовой договор с автором не был продлен по причине закрытия школы, однако отмечает, что, по данным автора, школа продолжала работать после мая 2011 года, по крайней мере, до сентября 2012 года, причем данное заявление не было оспорено государством-участником (пункт 10.2 Мнения).

Комитет признает, что именно органы и суды государства-участника должны оценивать факты и доказательства по конкретным делам <1>. Вместе с тем в данном деле для того, чтобы определить, имела ли автор возможность осуществлять на практике принцип равенства между женщинами и мужчинами и свои права человека и основные свободы, Комитет должен решить два вопроса: проявили ли органы государства-участника должную осмотрительность при расследовании утверждений автора и нарушило ли государство-участник свое обязательство по эффективной защите автора от насилия по признаку пола (пункт 10.5 Мнения).

<1> См., например, сообщение N 28/2010, Р.К.Б. против Турции, Мнения, принятые 24 февраля 2012 года, пункт 8.4.

Комитет отмечает, что первым органом, расследовавшим жалобы автора на сексуальные домогательства со стороны А., была комиссия в составе трех человек Рудненского городского отдела образования. В ходе расследования эта комиссия не предложила автору представить ее версию данной истории. Второе расследование было проведено 9 июня 2011 года другой комиссией, созданной Рудненским городским отделом образования, которая пришла к выводу о том, что утверждения автора являются безосновательными. ... Комитет отмечает заявление автора о том, что ей не была предоставлена надлежащая возможность разъяснить свои жалобы. Кроме того, в связи с жалобой автора от 13 июня 2011 г. следователь Управления внутренних дел города Рудного принял 21 июня 2011 г. решение не возбуждать уголовное дело по жалобе автора, несмотря на тот факт, что два свидетеля показали, что они слышали разговор между автором и А., в ходе которого тот упомянул интимную связь и потребовал денег (пункт 10.6 Мнения).

Комитет отмечает, что после рассмотрения апелляции автора в связи с отказом в возбуждении уголовного дела Прокуратура города Рудного передала дело автора в Управление внутренних дел города Рудного на доследование. Впоследствии, 16 августа 2011 г., тот же следователь вновь принял решение не возбуждать уголовное дело. После этого автор несколько раз обжаловала решение не возбуждать уголовное дело, однако это не привело ни к каким результатам. Комитет отмечает заявление автора о том, что национальные органы не приняли во внимание показания двух свидетелей и аудиозапись требований А. Комитет также отмечает довод автора о том, что в ходе производства по гражданскому иску, возбужденному против нее

А., национальные суды отказались без каких-либо на то оснований опросить нескольких свидетелей, которые могли дать показания в пользу автора, или приобщить к делу в качестве доказательства аудиозапись требований А. ... Комитет отмечает заявление государства-участника о том, что аудиозапись была изучена, однако государство-участник не представило никакой информации о том, как именно была изучена эта запись и была ли подтверждена ее подлинность (пункт 10.7 Мнения).

В свете вышеизложенного Комитет придерживается мнения о том, что в данном деле органы и суды государства-участника не уделили должного внимания жалобе автора по факту гендерного насилия, которое проявилось в форме сексуальных домогательств на рабочем месте, равно как и подтверждающим эту жалобу доказательствам, и что, таким образом, они не выполнили свою обязанность учитывать гендерные факторы при рассмотрении жалобы. Кроме того, в контексте данного дела национальные органы и суды не уделили должного внимания ясным и очевидным свидетельствам нарушения обязательства о предоставлении равных возможностей в области занятости. Будучи в подчинении у А., автор находилась в уязвимом положении, и продление ее трудового договора полностью зависело от усмотрения А. (пункт 10.8 Мнения).

В данном деле органы власти не расследовали причины, по которым трудовой договор автора не был продлен после более чем 10 лет службы. ... Рудненский городской суд привел тот факт, что автор не подавала жалоб на якобы имевшие место сексуальные домогательства пока продолжала работать, а сделала это только после своего увольнения, в качестве обстоятельства, снижающего доверие к ее обвинению. В обстоятельствах, свидетельствующих об отсутствии желания учесть уязвимость положения автора как женщины, являющейся единственным кормильцем в семье и при этом находящейся в подчинении у А., и с учетом сделанного выше вывода Комитет подтверждает, что государство-участник нарушило свои обязательства по статье 2(е), толкуемой в совокупности со статьей 1, Конвенции, и что учреждения государства-участника не уделили должного внимания с учетом гендерных аспектов дела жалобе автора о гендерном насилии на рабочем месте и доказательствам, подкрепляющим эту жалобу, и что, таким образом, они не уделили должного внимания ясным и очевидным доказательствам нарушения обязательства о предоставлении равных возможностей в области занятости. Комитет придерживается мнения о том, что, не расследовав жалобу автора о сексуальных домогательствах оперативным, надлежащим и эффективным образом, несмотря даже на то, что производство по гражданскому иску, возбужденному А. против автора, было завершено менее чем за три недели, и не рассмотрев дело автора с учетом гендерных аспектов, национальные учреждения допустили, чтобы на ход их рассуждений при принятии решений повлияли стереотипы (пункт 10.10 Мнения).

Что касается жалобы автора на нарушение государством-участником ее прав по статье 11 Конвенции, то в свете информации, представленной автором и государством-участником, Комитет считает, что жалоба автора касается вопросов, охватываемых пунктами 1(а) и (f) статьи 11 Конвенции. В свете своих выводов о нарушении статьи 2(е), толкуемой в совокупности со статьей 1, Конвенции, Комитет отмечает утверждение автора о том, что в январе 2011 года директор школы А. пригласил ее для беседы. Во время этой беседы он завуалированно дал понять, что продолжение ее работы будет зависеть от ее вступления в интимную связь с ним, на что она ответила категорическим отказом. После этого А. продолжал преследовать автора, проявляя сексуальные домогательства, и, поскольку она продолжала отвечать отказом, предложил ей заплатить ему 10 000 тенге, если она хочет сохранить работу в школе. Учитывая, что автор отказалась удовлетворить эти требования, она была уведомлена в мае 2011 года о том, что ее трудовой договор не будет продлен на следующий учебный год. Школа продолжала работать до сентября 2012 года. Комитет отмечает заявление автора о том, что вследствие прекращения действия ее трудового договора и производства по гражданскому иску, возбужденному против нее А. после направления ею жалоб на домогательства, результатом которого стало постановление Рудненского городского суда, предписывающее ей выплатить А. компенсацию и принести ему извинения на общем собрании коллектива школы, она впала в депрессию и обратилась за психологической помощью в кризисный центр защиты женщин от насилия. В связи с этим Комитет отмечает, что 29 марта 2012 г. автору был поставлен диагноз депрессии и посттравматического стрессового расстройства (пункт 10.11 Мнения).

Комитет придерживается мнения о том, что оказанное на автора давление и характер угроз и домогательств, а также попытки вымогательства денег обусловлены тем, что она является женщиной, находившейся в подчиненном и бесправном положении, и представляют собой нарушение принципа равного обращения. Комитет считает, что обязательство работодателя воздерживаться от дискриминации по признаку пола, включая домогательства, не закончилось с расторжением трудового договора автора. Комитет отмечает, что А. возбудил в отношении автора гражданский иск за клевету, результатом рассмотрения которого стал судебный приказ автору выплатить А. компенсацию за моральный ущерб и публично извиниться перед ним. Вследствие этого автор впала в депрессию и стала страдать от посттравматического стрессового расстройства. В этих обстоятельствах Комитет считает, что обращение А. с автором, выразившееся в требовании, чтобы она вступила в интимную связь с ним - ее руководителем, - если она хочет продолжать работать в школе, и в отказе продлить ее трудовой договор на следующий учебный год, явилось нарушением прав автора на труд и на равное обращение и представляло собой дискриминацию по признаку пола в соответствии с пунктами 1(a) и (f) статьи 11 Конвенции. В результате автор пострадала от нарушения ее прав, предусмотренных в этих положениях, которое не было устранено учреждениями государства-участника оперативным, надлежащим и эффективным образом (пункт 10.13 Мнения).

Выводы Комитета: Действуя в соответствии со статьей 7(3) Факультативного протокола и в свете вышеизложенных соображений, Комитет считает, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 2(e), толкуемой в совокупности со статьями 1, 5(a) и пунктами 1(a) и (f) статьи 11 Конвенции, и рекомендует государству-участнику:

a) в отношении автора сообщения: предоставить соответствующее возмещение, включая надлежащую финансовую компенсацию, за моральный и материальный ущерб, причиненный автору в результате нарушения ее прав в соответствии с Конвенцией, в том числе компенсацию:

i) за потерю дохода в период с сентября 2011 года по сентябрь 2012 года, когда начальная школа в селе Перцевка была закрыта;

ii) за судебные расходы и издержки, понесенные в связи с многочисленными жалобами автора на А., а также за все расходы, понесенные в связи с гражданским иском, возбужденным А.;

iii) за страдания, обусловленные сексуальными домогательствами и попытками вымогательства, а также публичным извинением, которое автор была вынуждена принести А., что в совокупности послужило причиной ее страданий от депрессии и посттравматического стрессового расстройства;

b) в общем:

i) безотлагательно принять всеобъемлющее законодательство, в частности в области трудовых отношений, в целях борьбы с сексуальными домогательствами на рабочем месте в соответствии с общей рекомендацией N 19 Комитета, которое должно включать всеобъемлющее определение понятия сексуальные домогательства на рабочем месте в соответствии с международными нормами и стандартами, предусмотрев эффективные процедуры подачи и рассмотрения жалоб, средства правовой защиты и санкции;

ii) обеспечить, чтобы при осуществлении положений статьи 351 Уголовного кодекса от потерпевших не требовалось подписание какого-либо заявления, если такое заявление может фактически являться препятствием для реализации их права на доступ к правосудию;

iii) принять меры и провести мероприятия, необходимые для повышения уровня информированности широкой общественности, в том числе в сельской местности, о сексуальных домогательствах на рабочем месте как уголовно наказуемом деянии, а также способствовать проведению в жизнь политики по борьбе с такого рода домогательствами, охватывая как государственные, так и частные сферы занятости;

iv) проводить регулярное и учитывающее гендерные особенности обучение судей, адвокатов и сотрудников правоохранительных органов по вопросам, касающимся Конвенции, Факультативного протокола к ней, а также юриспруденции и общих рекомендаций Комитета, в целях обеспечения устранения влияния стереотипных представлений на процесс принятия решений;

v) принять эффективные меры к обеспечению практического осуществления Конвенции всеми национальными судами и другими государственными учреждениями, с тем чтобы

предоставить женщинам эффективную защиту от всех форм дискриминации по признаку пола в области занятости;

vi) ратифицировать Конвенцию о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье, принимая во внимание сотрудничество государства-участника с Советом Европы (пункт 11 Мнения).

Комитет по правам инвалидов <1>

<1> Комитет по правам инвалидов (далее - Комитет) действует на основании Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора.

Сообщение: А.Ф. против Италии. Сообщение N 9/2012. Сообщение принято Комитетом по правам инвалидов (далее - Комитет) 27 марта 2015 г.

Тема сообщения: процесс набора персонала; дискриминация в процессе применения национального законодательства о праве инвалидов на трудоустройство; факты и доказательства.

Вопрос существа: труд и занятость.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что в соответствии со статьей 27 а), е), g) и i) Конвенции о правах инвалидов (далее - Конвенция) государства-участники несут обязанность запрещать дискриминацию по признаку инвалидности в отношении всех вопросов, касающихся всех форм занятости, включая условия приема на работу, найма и занятости, сохранения работы, продвижения по службе и безопасных и здоровых условий труда; расширять на рынке труда возможности для трудоустройства инвалидов и их продвижения по службе, а также оказывать помощь в поиске, получении, сохранении и возобновлении работы; принимать на работу инвалидов в государственном секторе; обеспечивать инвалидам разумное приспособление для рабочего места (пункт 8.3 Решения).

Комитет напоминает, что, как правило, оценка фактов и доказательств по конкретному случаю осуществляется судами государств - участников Конвенции, только если не будет выявлено, что оценка была явно произвольной или равнозначной отказу в правосудии <1> (пункт 8.4 Решения).

<1> См. Юнгелин против Швеции (сноска 7 выше), пункт 10.5.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: ... Комитет считает, что автор не представил каких-либо аргументов, которые позволили бы Комитету сделать вывод о том, что положения национального законодательства и его применение представляют собой нарушение его индивидуальных прав, предусмотренных Конвенцией. Комитет также считает, что Государственный совет тщательно и объективно оценил все элементы, представленные автором и Университетом Модены и Реджо-Эмилии, прежде чем сделать вывод о том, что отказ в приеме на работу автора не носил дискриминационный характер. Комитет считает, что автор не представил каких-либо доказательств, которые позволили бы заключить, что проведенная Государственным советом оценка была явно произвольной или равнозначной отказу в правосудии. В этих обстоятельствах Комитет постановляет, что вынесенное решение было основано на объективных и разумных соображениях (пункт 8.5 Решения).

Выводы Комитета: Комитет по правам инвалидов полагает, что представленные ему факты не представляют собой нарушения статьи 27 Конвенции (пункт 9 Решения).

В сфере уголовно-правовых
и уголовно-процессуальных отношений

Практика международных договорных органов ООН

См. приведенное выше X. и Y. против Грузии. Сообщение N 24/2009. Решение принято

Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин 13 июля 2015 г.

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 63053/09 "Мисюкевич против России" (вынесено и вступило в силу 30 апреля 2015 года).

Заявитель жаловался, что условия его содержания под стражей в ходе предварительного следствия нарушали статью 3 Конвенции.

Власти Российской Федерации предоставили одностороннюю декларацию. В частности, они признали, что условия содержания под стражей в следственном изоляторе не соответствовали требованиям статьи 3 Конвенции, и выразили готовность выплатить заявителю 3765 евро в качестве справедливой компенсации. Они также ходатайствовали перед Судом об исключении жалобы из списка дел, подлежащих рассмотрению, согласно статье 37 Конвенции (пункт 12 постановления).

Европейский Суд установил, что "даже если метод расчета, используемый Властями Российской Федерации в отношении жалоб на условия содержания под стражей, не отвечает в точности руководящим принципам, установленным Судом в "пилотном" постановлении <1> ...важно то, что предлагаемые суммы не являются несправедливыми по сравнению с суммой, присуждаемой Европейским Судом в подобных делах" (пункт 19 постановления).

<1> См. постановление Европейского Суда от 10 января 2012 г. по делу "Ананьев и другие против России" (Ananyev and Others v. Russia), жалобы N N 42525/07 и 60800/08.

Таким образом, Суд пришел к выводу, что "целесообразным является исключение жалобы из списка дел, подлежащих рассмотрению, в части, касающейся вышеуказанной жалобы" (пункт 21 постановления).

Заявитель также жаловался, что его право на справедливое судебное разбирательство было нарушено в связи с отсутствием его защитника на судебном заседании кассационной инстанции. Он ссылаясь на пункт 1 и подпункт "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что в соответствии со статьей 51 УПК РФ "предоставление юридической помощи является обязательным, если подозреваемый или обвиняемый явным образом не отказался от нее, за исключением определенной категории дел, когда от этого права вообще нельзя отказаться... [В] настоящем деле интересы заявителя в производстве в суде первой инстанции представлял адвокат Ф., и не имелось указаний на то, что заявитель намеревался отказаться от юридической помощи в суде кассационной инстанции" (пункт 28 постановления).

Суд также подчеркнул, что "...любой отказ должен был быть заявлен в письменном виде, и об этом должна была быть сделана отметка в протоколе данного следственного действия... [С]ледовательно, тот факт, что защитник, представлявший интересы заявителя в суде первой инстанции, не присутствовал на заседании суда кассационной инстанции, не подразумевает отказа от юридической помощи" (пункт 28 постановления).

Европейский Суд отметил, что "...поскольку заявитель был лишен юридической помощи в суде кассационной инстанции, областной суд мог воспользоваться другими процедурами ... [О]н мог или назначить другого адвоката... или отложить заседание в целях обеспечения присутствия адвоката позднее" (пункт 30 постановления).

Суд пришел к выводу, что принцип справедливого судебного разбирательства не был соблюден и в связи с этим имело место нарушение пункта 1 и подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 43231/04 "Копаницин против России" (вынесено 12 марта 2015 г., вступило в силу 12 июня 2015 г.).

Заявитель жаловался, в частности, на то, что условия его содержания под стражей в следственном изоляторе являлись бесчеловечными и унижающими достоинство, а также что его содержание под стражей в ходе предварительного следствия... не имело соответствующего и достаточного обоснования.

Власти Российской Федерации признали, что заявитель содержался под стражей в следственном изоляторе в условиях, не соответствующих требованиям статьи 3 Конвенции, а также без надлежащего обоснования в нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, и предложили выплатить Копаницину Д.Ю. 4810 евро в качестве справедливой компенсации. Однако заявитель отказался от предложенной суммы, посчитав ее недостаточной.

Европейский Суд в связи с этим пришел к выводу, что "... даже если указанная сумма не соответствует в точности суммам, присуждаемым Судом в аналогичных случаях, важно то, что указанная сумма не является необоснованной в сравнении с ними...[С] учетом вышеизложенного будет целесообразным прекратить производство по жалобе в части, касающейся бесчеловечных и унижающих достоинство условий содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе ИЗ-77/1 в городе Москве в период с 23 июля по 10 сентября 2004 года и отсутствия соответствующих и достаточных оснований для его содержания под стражей в ходе предварительного следствия" (пункты 29, 32 постановления).

Заявитель [также] жаловался на нарушение подпункта "с" пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с тем, что его содержание под стражей в ходе предварительного следствия являлось незаконным, так как основания для него, указанные внутригосударственными судами, не имели отношения к делу и не являлись достаточными.

Европейский Суд отметил, что "... выражения "законный" и "в соответствии с предусмотренной законом процедурой" в пункте 1 статьи 5 относятся к национальному законодательству и определяют обязательство по соблюдению его материально-правовых и процессуальных норм... заявитель не оспаривал тот факт, что все периоды его содержания под стражей были санкционированы постановлениями суда. Он также отмечает, что при вынесении таких постановлений соответствующие суды действовали в рамках своей компетенции. Не имеется никаких оснований предполагать, что указанные постановления являлись недействительными или незаконными в соответствии с внутригосударственным законодательством в той мере, в какой они санкционировали содержание заявителя под стражей" (пункт 36 постановления).

Таким образом, Суд пришел к выводу, что "...данная жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом "а" пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции" (пункт 37 постановления).

Кроме того, заявитель жаловался, что рассмотрение его жалобы в Суд прокурором и задержки его переписки ... привели к нарушению его права на подачу индивидуальной жалобы в соответствии со статьей 34 Конвенции.

Европейский Суд установил, что "...жалоба, направленная заявителем в Суд, попала в прокуратуру города Москвы, где была вскрыта и рассмотрена должностным лицом, которое направило заявителю несколько ответов, утверждая, что жалоба в Суд являлась преждевременной и что она не соответствовала критерию приемлемости, установленному Конвенцией" (пункт 42 постановления).

Суд пришел к выводу, что "...вскрытие и рассмотрение письма прокурором имело сдерживающ[е]е воздействие в отношении осуществления права заявителя на подачу индивидуальной жалобы, с целью разубедить или воспрепятствовать подаче им жалобы. Следовательно, Власти государства-ответчика не исполнили свои обязательства, предусмотренные статьей 34 Конвенции" (пункт 43 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 13810/04 "Шамардаков против России" (вынесено 30 апреля 2015 г., вступило в силу 30 июля 2015 г.).

Заявитель утверждал, со ссылкой на пункт 1 и подпункт "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции, что он был лишен права на справедливое судебное разбирательство вследствие использования национальными судами доказательств, полученных в результате жестокого обращения в его отношении и в отсутствие адвоката во время его задержания милицией.

Европейский Суд напомнил, что "...использование в поддержку уголовного дела показаний, полученных вследствие нарушения статьи 3 - нарушение квалифицируется как пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение - автоматически лишает судебное разбирательство справедливости в целом и обуславливает нарушение статьи 6" (пункт 154

постановления).

Суд установил, что "...несмотря на то, что был допрошен свидетель, показания которого были даны в поддержку алиби заявителя, суд отказался учитывать эти показания и, следовательно, аргументы, представленные заявителем в качестве алиби, на том основании, что они противоречили показаниям, данным заявителем в милиции вскоре после его задержания" (пункт 155 постановления).

Суд пришел к выводу, что "...независимо от влияния, которое первоначальные показания заявителя, данные в милиции в результате бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, могли оказать на исход разбирательства против него, их сохранение в материалах дела лишило справедливости данное разбирательство в целом... [Т]аким образом, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции" (пункты 157, 158 постановления).

В отношении использования показаний, полученных в отсутствие адвоката, Суд отметил, что "... в соответствии с общепринятыми международными нормами обвиняемый должен (как только он лишается свободы) иметь возможность воспользоваться помощью адвоката, независимо от проведения допросов... справедливое судебное разбирательство требует возможности получения обвиняемым всего спектра мер, которые относятся к консультированию. В связи с этим, обсуждение дела, организация защиты, поиск доказательств в пользу обвиняемого, подготовка к допросам, поддержка обвиняемого в данной ситуации и контроль условий содержания под стражей являются основными элементами защиты, к которым должен обращаться адвокат" (пункт 164 постановления).

Судом обращено внимание на то, что "... решени[е] Конституционного [С]уда <1>, на которое ссылаются Власти... только подкрепляет принцип, сформулированный в кодексе, в результате которого эффективное осуществление своих прав подозреваемым напрямую зависит от его фактического статуса, а также тот факт, что данный аспект усматривается следственными действиями как один из признаков среди многих других в данном отношении" (пункт 165 постановления).

<1> Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. N 11-П "По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова".

Европейский Суд пришел к выводу, что "...если установлено, что ограничение права заявителя на доступ к адвокату не было обосновано, не имеется, в принципе, необходимости определять, какое воздействие данное ограничение оказало на справедливость судебного разбирательства в целом, поскольку само понятие справедливости, закрепленное в статье 6 Конвенции, требует, чтобы обвиняемый мог воспользоваться помощью адвоката с начальных стадий допроса в милиции, если ограничение этого права не действует в исключительном порядке и по уважительной причине... [П]ри таких обстоятельствах... имело место нарушение подпункта "с" пункта 3 статьи 6 в сочетании с пунктом 1 статьи 6 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя доступа к адвокату на момент представления своих показаний в милиции" (пункты 167, 168 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 39317/05 "Яиков против России" (вынесено 18 июня 2015 г., вступило в силу 18 сентября 2015 г.).

Яиков В.В., являясь душевнобольным, совершил преступление, после чего был задержан по подозрению в совершении убийства.

Заявитель утверждал, в частности, что помещение его в психиатрический стационар на стадии предварительного следствия по возбужденному против него уголовному делу являлось незаконным по смыслу статьи 5 Конвенции.

Суд отметил, что "помещение заявителя в психиатрический стационар являлось "законным", в узком смысле толкования данного термина, в виде формального соответствия факта поступления заявителя в стационар процессуальным и материальным нормам национального законодательства. Суд также соглашается с доводом о том, что именно национальные суды, действуя на основании находящихся в их распоряжении материалов и экспертных заключений по

каждому конкретному делу, должны определять тип психиатрического учреждения, подходящий для обвиняемого" (пункт 60 постановления).

Европейский Суд отметил, что "... в контексте подпункта "е" пункта 1 статьи 5 Конвенции правомерность помещения заявителя в психиатрический стационар в соответствии с национальным законодательством сама по себе не является решающим фактором. Также необходимо установить, соответствовало ли помещение заявителя в психиатрический стационар цели пункта 1 статьи 5 Конвенции, направленной на недопустимость произвольного лишения свободы" (пункт 61 постановления).

Суд установил, что "медицинское обследование, назначенное национальным судом, было проведено в марте - июле 2004 года, а 16 июля 2004 года медицинские эксперты порекомендовали поместить заявителя в психиатрическое учреждение специализированного типа с интенсивным наблюдением по причине "обострения его заболевания". Заявитель поступил в стационар 13 января 2006 года. Суд также отмечает, что до принятия окончательного решения в январе 2006 года никаких других медицинских освидетельствований в отношении необходимости продолжать содержание заявителя в психиатрическом учреждении специализированного типа с интенсивным наблюдением либо в отношении возможности применения любой другой, более мягкой меры пресечения, не назначалось, несмотря на тот факт, что заявитель в своей кассационной жалобе на помещение его в стационар высказал мнение о том, что в этом больше нет необходимости. Соответственно, заявитель поступил в стационар в январе 2006 года на основании медицинского заключения, датированного июлем 2004 года, то есть выданного примерно за полтора года до помещения заявителя в стационар" (пункт 64 постановления).

Таким образом, Европейский Суд пришел к выводу о том, что "... принимая во внимание неактуальность медицинского заключения, на основании которого заявитель был помещен в психиатрический стационар, отсутствие гарантий в соответствии с национальным законодательством, требующих пересмотра необходимости применения принудительных мер медицинского характера до их фактического осуществления, а также задержку осуществления перевода заявителя в период рассматриваемых событий, Суд считает, что содержание заявителя под стражей производилось в нарушение принципа, установленного подпунктом "е" пункта 1 статьи 5, согласно которому факт наличия психического заболевания, требующего помещения в стационар, должен устанавливаться в момент фактического осуществления данной принудительной меры медицинского характера" (пункт 66 постановления).

Также заявитель жаловался на то, что продолжительность судебного разбирательства по его делу не соответствовала требованию "разумного срока", установленному в пункте 1 статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд напомнил, что "период, рассматриваемый при определении длительности судебного разбирательства по уголовному делу, начинается в день, когда лицу "предъявлены обвинения" в самостоятельном и материально-правовом значении этого термина. Заканчивается рассматриваемый период в день, когда лицо признано виновным или уголовное дело прекращено" (пункт 72 постановления).

Период, который необходимо принимать во внимание по настоящему делу, начался 19 сентября 2003 г., когда заявитель был задержан и заключен под стражу, и закончился 25 декабря 2008 г., когда вынесенное постановление [о применении к нему принудительных мер медицинского характера в психиатрическом учреждении специализированного типа с интенсивным наблюдением] вступило в законную силу. Из этого следует, что период, который необходимо принимать во внимание, составляет 5 лет, 3 месяца и 8 дней. Данный период охватывает этап проведения расследования и рассмотрения дела судами двух инстанций: первой и кассационной, дважды рассматривавшим дело.

Суд отметил довод властей Российской Федерации о том, что существенная задержка в судебном разбирательстве была вызвана состоянием здоровья заявителя и что данная задержка имела место не по вине властей. Совокупная задержка, имевшая место, составила по меньшей мере четырнадцать месяцев. Три психиатрические экспертизы, включая одну, проведенную по инициативе адвоката заявителя, заняли в общей сложности около двенадцати месяцев (пункт 76 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что "за исключением восьмимесячной задержки,

вызванной упущениями, имевшими место в ходе расследования, когда суды дважды возвращали дело заявителя прокурору для устранения процессуальных недостатков, Власти продемонстрировали достаточно добросовестное отношение к рассмотрению дела. Этап проведения расследования длился один год и один месяц. Первый этап рассмотрения дела в суде, включая кассационное производство, длился около шести месяцев. Второй этап рассмотрения дела судом, включая кассационное производство, длился около семи месяцев" (пункт 77 постановления).

Оценив в целом сложность дела, поведение сторон и общую длительность судебного разбирательства, Суд установил, что длительность разбирательства по настоящему делу не выходит за пределы срока, который может считаться разумным в контексте настоящего дела (пункт 78 постановления). Таким образом, нарушения требований пункта 1 статьи 6 Конвенции по настоящему делу допущено не было.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 33803/04 "Михальчук против России" (вынесено 23 апреля 2015 г., вступило в силу 23 июля 2015 г.).

Заявитель жаловался на то, что содержание его под стражей в ходе предварительного следствия не имело относимых и достаточных оснований по смыслу пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Суд установил, что второй период содержания заявителя под стражей в ходе предварительного следствия продлился с 28 апреля 2003 г., когда он был взят под стражу, до 14 июля 2004 г., когда районный суд вынес ему обвинительный приговор за уголовные правонарушения. Общая продолжительность содержания под стражей, таким образом, составила один год, два месяца и семнадцать дней.

Суд повторно установил, что обоснование относительно тяжести обвинений "не может само по себе служить оправданием длительного периода содержания под стражей. Это тем более относится к делам вроде настоящего, в которых квалификация фактов - и, соответственно, наказания, которое грозило заявителю, - осуществлялась прокуратурой, а суд не рассмотрел вопрос о том, подтверждали ли полученные доказательства разумное подозрение, что заявитель якобы совершил преступление" (пункт 52 постановления).

Суд отметил, что "несмотря на то, что продление срока лишения свободы необходимо для оценки риска побега или рецидива у него, данную необходимость не следует оценивать с чисто абстрактной точки зрения, принимая во внимание лишь тяжесть преступления. Также длительный срок содержания под стражей не должен предвосхищать наказание в виде лишения свободы" (пункт 54 постановления).

Суд ранее отмечал, что "нельзя прийти к выводу о склонности человека к совершению новых преступлений только по причине отсутствия у него работы" (пункт 55 постановления).

Суд установил, что внутригосударственные суды не провели оценку личной ситуации заявителя, а также не привели особых оснований, подкрепленных доказательствами, для содержания его под стражей (пункт 56 постановления).

Европейский Суд напомнил, что, "принимая решение о продлении срока содержания лица под стражей или освобождении его из-под стражи, власти обязаны в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции рассмотреть альтернативные способы обеспечения явки лица в суд. ... В настоящем деле в большинстве своих решений внутригосударственные суды установили, что они не усматривали оснований отменить меру пресечения или применять более мягкую меру пресечения. Однако они не объяснили в своих решениях, почему такие альтернативные меры не могли обеспечить должное отправление правосудия" (пункт 57 постановления).

Суд пришел к выводу, что "не рассмотрев отдельные факты или надлежащим образом не рассмотрев меры пресечения, а также ссылаясь главным образом на тяжесть обвинений, органы власти продлевали срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые, будучи "относимыми", не могут считаться "достаточными". Они, таким образом, не смогли обосновать длительное лишение заявителя свободы в течение более одного года и двух месяцев. В этих обстоятельствах нет необходимости рассматривать вопрос о том, велось ли производство с "необходимой тщательностью" (пункт 58 постановления). Таким образом, имело место нарушение требований пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 41675/08 "Фанзиева против России" (вынесено 18 июня 2015 г., вступило в силу 18 сентября 2015 г.).

Заявитель жаловалась, со ссылкой на статью 2 Конвенции, на то, что ее дочь выбросили из окна сотрудники милиции и что по данному факту не было проведено эффективного расследования.

Европейский Суд напомнил, что "...в тех случаях, когда смерть наступает в условиях, потенциально предполагающих ответственность государства, статья 2 налагает на государство обязанность всеми имеющимися в его распоряжении способами, в судебном или ином порядке, отреагировать на данную ситуацию таким образом, чтобы законодательные и административные нормы, установленные в целях защиты права на жизнь, были должным образом соблюдены, а любые нарушения права на жизнь - пресечены и наказаны" (пункт 51 постановления).

Суд отметил, что "...уголовное дело по факту смерти [дочери заявителя] так и не было возбуждено... несмотря на возражения заявител[я], национальные власти необъяснимым образом отказывались расследовать обстоятельства смерти в отделении милиции и сосредоточили свои усилия на розыске неизвестного сотрудника милиции" (пункт 52 постановления).

Судом обращено внимание на то, что "...в контексте российской правовой системы так называемая "доследственная проверка" сама по себе не способна привести к наказанию виновных, поскольку предпосылками для выдвижения обвинений против подозреваемых являются возбуждение уголовного дела и начало проведения уголовного расследования, материалы которых впоследствии могут быть рассмотрены судом" (пункт 53 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что "...отказ возбудить уголовное дело в ситуации, когда лицо скончалось или серьезно пострадало во время нахождения под стражей в милиции, сам по себе являлся серьезным нарушением национальных процессуальных норм, способным поставить под сомнение действительность любых собранных доказательств... [т]ем самым, по делу было допущено нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте" (пункт 53 постановления).

Что касается предполагаемого нарушения права дочери заявителя на жизнь, то Европейский Суд отметил, что он считает наиболее убедительной версию о том, что ее смерть "...стала результатом ее неудачной попытки сбежать из отделения милиции" (пункт 56 постановления).

Однако Судом было также обращено внимание на то, что "...обязательство по защите здоровья и благополучия лиц, находящихся в заключении, явно включает в себя обязательство по защите жизни арестованных и задержанных лиц от обозримых рисков... существуют определенные основные меры предосторожности, которые должны применять сотрудники милиции в целях сведения к минимуму любого потенциального риска" (пункт 57 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что "... было бы чрезмерным требовать от государств установку решеток на каждое окно в отделениях полиции для предотвращения столь трагических событий, какие имели место по настоящему делу... [т]ем не менее, это не освобождает государства от их обязанности по защите жизни арестованных и задержанных от обозримых рисков в соответствии со статьей 2 Конвенции... Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение статьи 2 Конвенции" (пункты 59, 60 постановления).

Заявитель также жаловалась на то, что в отделении милиции ее дочь подверглась жестокому обращению и что по данному факту не было проведено эффективного расследования в нарушение статьи 3 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что "...[п]ринимая во внимание обязательство властей нести ответственность за вред, причиненный лицам, находящимся под их контролем в период пребывания под стражей, и в отсутствие убедительных и правдоподобных объяснений Властей по настоящему делу, Суд полагает, что из поведения Властей он может сделать соответствующие логичные выводы, и считает установленным согласно требуемому стандарту доказывания в рамках рассмотрения дел о нарушении положений Конвенции тот факт, что телесные повреждения [дочери заявителя] явились результатом обращения, за которое несут ответственность власти Российской Федерации" (пункт 73 постановления).

Следовательно, Суд установил, что по настоящему делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном аспекте.

Что касается процессуального аспекта указанной выше статьи, то Европейский Суд

подчеркнул, что "...важными факторами для проведения эффективного расследования, рассматриваемыми как критерий решимости властей в отношении выявления и судебного преследования виновных лиц, являются его срочность и разумная оперативность... В рамках настоящего дела власти начали расследование... спустя два месяца после предполагаемого жестокого обращения... Подобная задержка сама по себе была способна повлиять на ход расследования" (пункт 77 постановления).

Судом обращено внимание на то, что "...органы, отвечающие за расследование факта превышения должностных полномочий, которое неоднократно приостанавливалось и возобновлялось, и тем самым затянулось на годы и все еще не принесло каких-либо значимых результатов, для выявления виновного лица сделали крайне мало. Например, распоряжение об изучении материалов дела... оставалось невыполненным почти пять лет... Более того, представляется, что когда следователи все же решили осуществить определенные мероприятия, они сосредоточили свои усилия на бесцельных действиях" (пункт 78 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что расследование, проведенное по факту жестокого обращения с дочерью заявителя, не являлось тщательным, адекватным и эффективным и тем самым по делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 12993/05 "Александр Дмитриев против России" (вынесено 7 мая 2015 г., вступило в силу 7 августа 2015 г.).

Заявитель жаловался, что условия его содержания под стражей в следственном изоляторе нарушили статью 3 Конвенции.

Европейский Суд установил, что "...что в каждой камере, в которой содержался заявитель, количество заключенных не превышало количества спальных мест... заявитель не смог конкретизировать свое описание якобы бесчеловечных и унижающих достоинство условий его содержания под стражей... а также подтвердить свои заявления о переполненности камер какими-либо соответствующими документами, такими как, например, письменные заявления других заключенных, содержащихся совместно с ним" (пункты 37, 39 постановления).

Соответственно Суд пришел к выводу, что "...общие условия содержания заявителя под стражей... [не] достигли того порога жестокости, который характеризует соответствующее обращение как бесчеловечное или унижающее достоинство по смыслу статьи 3 Конвенции... Следовательно, соответствующая жалоба заявителя на нарушение статьи 3 Конвенции является явно необоснованной" (пункты 40, 41 постановления).

Заявитель также жаловался на отсутствие в его распоряжении, в нарушение статьи 13 Конвенции, эффективных внутригосударственных средств правовой защиты в отношении его жалоб на условия содержания под стражей.

Суд отметил, что "... жалоба по статье 13 Конвенции может быть подана только в совокупности с "необоснованной" материально-правовой жалобой... жалобы заявителя на нарушение статьи 3 Конвенции... являются явно необоснованными и, вследствие этого, неприемлемыми. ... Следовательно, жалоба, поданная в соответствии со статьей 13 Конвенции, также является явно необоснованной" (пункты 42, 43 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что продолжительность его содержания под стражей в ходе предварительного следствия противоречила пункту 3 статьи 5 Конвенции.

Суд напомнил, что именно "...национальные судебные органы должны обеспечить, чтобы в рамках каждого конкретного дела продолжительность содержания под стражей обвиняемого не превышала разумный срок. Для этого они должны, уделяя должное внимание принципу презумпции невиновности, исследовать все факты, которые могут свидетельствовать "за" или "против" наличия общественного интереса, оправдывающего отступление от правила, закрепленного в статье 5 Конвенции, и изложить их в своих решениях по ходатайствам об освобождении" (пункт 55 постановления).

Европейский Суд установил, что "...национальные суды не оценили личную ситуацию заявителя и не привели подтверждающиеся доказательными выводами конкретные обоснования в пользу содержания его под стражей" (пункт 57 постановления).

Таким образом, Суд пришел к выводу, что "...без рассмотрения конкретных фактов и возможности применения альтернативных "мер пресечения", а ссылаясь, главным образом, на

тяжесть предъявленных обвинений, органы власти продлевали срок содержания заявителя под стражей в ходе предварительного следствия по основаниям, которые, хоть и являются "соответствующими", тем не менее, не могут считаться "достаточными"... Следовательно, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции" (пункты 59, 60 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе N 16412/06 "Александр Валерьевич Казаков против России" (вынесено 4 декабря 2014 г., вступило в силу 20 апреля 2015 г.).

Заявитель жаловался, со ссылкой на статью 6 Конвенции, что суд первой инстанции не обеспечил присутствие свидетеля стороны обвинения и свидетелей стороны защиты.

Европейский Суд установил, что "...суд первой инстанции направил судебное извещение по известному адресу [свидетеля обвинения]... Однако, когда свидетель не явился в суд - после телефонного звонка, сделанного предположительно его женой, сообщившей суду, что он уехал в служебную командировку - суд не предпринял дополнительных мер по выяснению обстоятельств отсутствия свидетеля, обошелся без повторного вызова его в суд и приступил к оглашению его показаний" (пункт 32 постановления).

Суд отметил, что он "...не считает, что задержка в судопроизводстве с целью получения показаний свидетеля - тем более для прояснения вопроса его появления на суде, где заявитель был обвинен в серьезном преступлении и ему грозил большой срок тюремного заключения - явилась непреодолимым препятствием для своевременности проводимого разбирательства" (пункт 33 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что "...к оценке показаний других обвиняемых должна применяться более высокая степень контроля, поскольку положение, в котором находятся сообщники во время дачи показаний, отличается от показаний обычных свидетелей. Они не дают свои показания под присягой, то есть не заявляют об истинности своих заявлений, что в ином случае могло бы подвергнуть их наказанию за умышленную дачу ложных показаний" (пункт 35 постановления).

Суд установил, что "...показания, которые были даны [свидетелем обвинения] во время предварительного следствия и зачитанные городским судом, являлись если не единственным, то, по крайней мере, решающим доказательством против заявителя. Они, совершенно очевидно, являлись весомым доказательством и без них шансы стороны обвинения значительно бы уменьшились" (пункт 35 постановления).

Учитывая тот факт, что "...органы власти не приложили надлежащих усилий для обеспечения присутствия [свидетеля обвинения] на суде, что... заявителю не была предоставлена возможность допросить свидетеля, чьи показания имели решающее значение для установления того, был ли виновен заявитель в преступлении, в котором он был позже признан виновным, и что... органы власти не смогли компенсировать трудности, которые испытала сторона защиты ввиду принятия показаний [свидетеля обвинения] в качестве доказательства", Суд посчитал, что имело место нарушение пунктов 1 и 3 (г) статьи 6 Конвенции (пункт 37 постановления).

Что касается жалоб заявителя на то, что национальные суды отказали ему в допросе свидетелей защиты в суде, Европейский Суд отметил, что "...справедливость уголовного производства в отношении заявителя была подорвана ограничениями, наложенными на права стороны защиты ввиду отсутствия возможности встретиться со свидетелем стороны обвинения... Таким образом [нет необходимости] отдельно рассматривать, была ли справедливость судопроизводства также нарушена невозможностью заявителя допросить свидетелей стороны защиты" (пункт 38 постановления).

Тексты приведенных документов, принятых международными договорными органами ООН, находятся по адресу: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека - заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

законодательства и анализа судебной
практики Верховного Суда
Российской Федерации